

Семен Гаврилов

СКАЗКИ

гончарного
круга

Семён Гаврилов

СКАЗКИ
ГОНЧАРНОГО КРУГА

Москва-Тель-Авив
2006

1

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос = Рус) 4-5

Гаврилов Семен

Сказки гончарного круга.: Сказки и стихи.

Издательское содружество

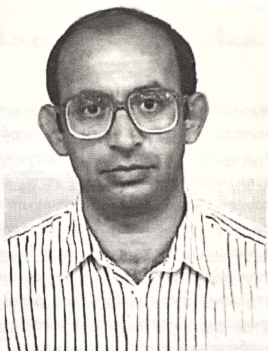
А. Богатых и Э.РАКитской (Э.РА), 2006. — 88 с.

Москва — Тель-Авив.

ISBN 5-98575-162-7

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6-5

© Семен Гаврилов, 2006

Об авторе

Семен Гаврилов родился в Дербенте Дагестанской АССР. Образование — Дагестанский гос. университет, математический фак., Краснодарский политехнический институт, технологический факультет.

Женат, имеет троих детей.

С 1990 г. по 1992 г. работал ответ. секретарём республиканской газеты «ВАТАН». Публиковался в республиканской и местной периодической печати, в журнале «Юность».

С 1992 года переехал на постоянное жительство в Израиль. Публиковался в журнале «Русское эхо».

Имеет постоянно действующие интернет-страницы на литературных сайтах «Стихи.ру» и «Точка зрения».

Истории, незатейливо, просто и одновременно свежо повествующие читателю о простых истинах — любви отца к сыну, сына к матери, о судьбе, которую избирает человек и его истинно человеческих мечтах об идеале — вот что такое «Сказки гончарного круга». Автор тонко чувствует психологию восточных народов, и рассказывает притчи, которые могли бы передаваться в них из поколения в поколение, нам. Как видит простой, воспитанный в доброте и милосердии человек смысл своей жизни, как видит свою судьбу и свой удел? Время в «Сказках» течет размеренно и неторопливо подобно водам широкой, спокойной реки, сбегаящей с гор; люди, герои «Сказок», в своих сомнениях обращаются к простым и вечным ценностям, — горюют, улыбаются, радуются, любят. И кажется, видишь этот живой, неприхотливый мир человеческих отношений, где справедливость — чистота и бескорыстие души, и немного тоскуешь... возможно, о том, чего нам так не хватает в мире современном, сложном и запутанном — мире дипломатии и цивилизации.

Редактор отдела прозы литературного сайта «Точка зрения»

Кэндис Ясперс

СКАЗКИ ГОНЧАРНОГО КРУГА

Вместо предисловия

Вечер. Небо усыпано звёздами. В маленькое оконце нашей сакли заглядывает луна.

Мой старый дед, высоко подняв свою седую голову с невидящими глазами, тихо покручивает гончарный круг.

Много интересного рассказывают о нём в нашем селе. То он один ночью в лесу сражается с исполинами, побеждает их и спасает похищенную ими самую красивую девушку нашего села; то он бросается в стремительный поток горного ручья за упавшим ребёнком; то поднимается на горную кручу, спасая выпавшего из гнезда орлёнка.

А ещё говорят, что юношей он исходил весь мир, поднимался на Крышу Мира, переходил пустыню смерчей — Маркан-су, бывал и в Китае, и в Индии. Оттого и игрушки, которые он делает, диковинные: то это снежный барс, подкрадывающийся к добыче, то слоны, поедающие молодые побеги деревьев, то возникающий из тумана оазис в пустыне.

Но более всего удивительны его сказки. В них переплетаются и возможное и невозможное, и правда, и вымысел. И всегда добро побеждает зло, и становится от этих сказок светло и тепло, и очищается сердце от обид и оскорблений.

Много сказок рассказывал мне дед. Те, которые запомнил, я передаю вам.

С. Гаврилов

Сказка о гончаре и его сыне

Совсем ещё юным любил я слушать своего седого, как лунь, деда. Рассказывал он, тихо покручивая гончарный круг и высоко подняв голову с постоянно закрытыми, ничего не видящими глазами. Руки его, живые и сильные, лепили в это время глиняные свистки и игрушки.

Рассказывал дед, что очень давно жил в нашем селе гончар. И славился этот гончар не только своими кувшинами и чашами, сосудами для воды и вина. Хотя не было в округе второго гончара, способного делать такую посуду — лёгкую и изящную, ласкающую взор своей простой и красотой, но уважали люди гончара ещё за добросердечие и справедливость, гостеприимство и милосердие.

И был бы счастлив гончар, но одна мысль не давала ему покоя: не было у него сына, которому он передал бы своё дело, не было наследника, которого он посвятил бы в тайны своего искусства.

Было это или не было, но рассказывал дед, что однажды поздним вечером, когда за окнами свистел ветер и лил дождь, постучался к гончару старый дервиш с просьбой согреться и обсушиться.

Хозяин впустил странника, предложил ему сухую одежду и ужин. И когда отдохнувший дервиш спросил гончара о печали, то рассказал ему о том, что не дал ему Б-г сына, который бы радовал его сердце.

И сказал дервиш: «Будет у тебя сын. И превзойдёт он тебя в мастерстве гончарном. Но зависть людская горе принесёт в твой счастливый дом...»

И ушёл дервиш в тёмную ночь, в ветер и дождь.

Не прошло и года, и родился у гончара мальчик. И радовался счастливый отец, глядя на сына.

Очень подвижный и весёлый малыш проявлял за-видные сметку и усердие, помогая отцу. Уже к шести годам мальчик сам изготавливал глиняные игрушки и незатейливую посуду. Но больше всего любил мальчик рисовать, и были его рисунки забавными и смешными: вот невиданные разноцветные птицы летят над полем; вот медведь, разоривший муравейник, улепётывает от разозлённых насекомых.

Шло время. Мальчик кропотливо учился, перенимая у отца всё, что тот знал и умел. Уже к 15-ти годам из-под его рук выходили не только искусно сделанная посуда, но и причудливые дворцы с башнями, мечети** и минареты***. Изменились и его рисунки — это были уже целые истории из жизни животных и людей.

И радовался гончар сыну, превзошедшему отца в мастерстве. И радовались вместе с ним сельчане, глядя на работу и рисунки юного мастера, — что преумножилась слава их села с этим мальчиком.

Но всегда найдутся злобные люди, завидующие чужому счастью. Нашлись такие завистники и у гончара. И если раньше они только тайно завидовали его славе, то теперь...

Злоба и зависть людская ослепили юношу. И горе пришло в некогда счастливый дом гончара. И чёрной ночью стал светлый день, и белыми стали чёрные волосы отца. И умолкла в их доме весёлая песня гончарного круга...

Осень сменила лето. И снова ветер свистел в печной трубе, и дождь стучал по крыше. И снова, как некогда, постучался к гончару старый дервиш. Обогрел и накормил его хозяин. И поведал ему своё горе.

Выслушав, дервиш сказал: «Отпусти сына, пусть походит со мной по свету, узнает, как и чем живут отдельные люди и целые народы. Пусть найдёт свой

удел».

Но не согласился гончар, не хотел лишаться на старости лет последней утехи. И стал просить юноша отца отпустить его и разрешить ему пойти со старым дerviшом. И так горячо просил он, что отпустил его старый гончар, благословив их дорогу.

И говорил дед, что больше никто никогда не видел сына гончара. Но проходившие через их село странники, рассказывали, что где-то ходит по свету слепой юноша и там, где он останавливается, появляются новые сказки о диковинных дворцах с башнями, мечетями и минаретами, о причудливых животных и птицах, о людях добрых и злых. И расходятся эти сказки по всему свету.

И не одну из них рассказывал мне мой седоволосый слепой дед. Но более всего запомнилась мне сказка о гончаре и его сыне.

**дerviш* — странник; человек путешествующий пешком (вост.)

***мечеть* — церковь; моельный дом (ислам.)

****минарет* — башня, с которой объявляют начало молитвы (ислам.)

Волшебная нить

«Помнишь, ты рассказывал о том, что очень скучал по нашей сакле, по аулу, по своим грузьям, когда на несколько дней ездил с отцом в город. А знаешь ли ты, почему скучал, что тебя тянуло домой в горы? Слушай», — так начал свою новую сказку мой дед, усаживаясь за гончарный круг и разминая руками непогатыливый ком глины.

Очень давно высоко в горах в старой покосившейся от времени сакле жила вдова. Муж её погиб в горах во время обвала, оставив после себя малолетнего мальчика. Женщина, бережно храня память о муже, сама воспитывала сына, работая для этого от зари до зари. Утром сельчане видели её копающейся на клочке земли рядом с саклей, днём она убирала дом местного богача, вечером собирала хворост и кизяк для растопки, ночью же, когда весь аул засыпал, она стирала бельё, зарабатывая этим гроши. Никто в ауле никогда не слышал от бедной вдовы жалоб на усталость и болезни. Напротив, старая сакля, казалось, освещалась не керосиновой лампой, а её улыбкой и приветливыми лучистыми глазами. Любой прохожий мог найти в её доме, земляной пол которого был застелен латанными, но чистыми циновками, радушный приём, кусок свежего лаваша и пиалу горячего кипятка, настоящего на травах.

Под стать матери был и её шестилетний сын. Трудолюбивый мальчуган, по мере сил помогавший матери, старался поддерживать их скудное хозяйство в надлежащем состоянии. Это его старанием был обновлён забор вокруг сакли. Целыми днями слышались песни и смех малыша, выполнявшего всю работу по

дому. И радовались сельчане, глядя на вдову и её сына. И удивлялись. Удивлялись терпению и трудолюбию женщины, которые она в полной мере передала сыну. Удивлялись радушию матери, готовой придти на помощь каждому, хотя сама едва сводила концы с концами. Удивлялись веселью и жизнерадостности мальчика, обращавшего в шутку всякие невзгоды и смеявшегося там, где его сверстники и даже ребята постарше хмурились и прятали слёзы. Но более всего удивлялись соседи связи, существовавшей между матерью и сыном. Ибо удивительна и непонятна связь, в силу которой, во всякий момент когда одному из них становилось невмоготу, сразу же появлялся другой, поддерживая оступившегося и уставшего.

Именно так было, когда малыша, поправлявшего саманный курятник, завалило стеной. Мать появилась неожиданно, придя как по наитию, хотя никто из соседей не слышал ни шума завалившейся стены, ни криков мальчика. Именно так было, когда малыш, взявшийся неизвестно откуда, помог матери, набиравшей воду у реки и оступившейся на пологом склоне.

На любопытные вопросы об этом женщина отвечала, что они связаны с ним нитью, и улыбалась, глядя на малыша.

Было ли это правда и существовала ли такая нить или нет, но связь между матерью и сыном была бесспорной и очевидной.

Шли годы. Мальчику исполнилось двенадцать лет, возраст когда ребят определяют на учёбу. Не по годам сильный и рослый, сын вдовы хотел стать кузнецом. Но для этого нужно было пойти в соседний аул за перевалом, так как своей кузницы в селе не было.

Мать проводила сына до околицы, поцеловала его и, грустно улыбаясь, напомнила: «Не забывай, сынок,

о нити. Правда сейчас она становится тоньше и длиннее, но ты всё же помни».

«Не волнуйся, мама, никогда не забуду», — сын, улыбаясь, приветливо махнул матери рукой и широко зашагал по дороге.

Как горный поток, несётся время. И для матери, ждущей возвращения сына, женщины трудолюбивой, оно мчится ещё быстрее. Но удивлялись соседи, замечая, что вдова, вдруг улыбнётся и тихим голосом молвит: «Не волнуйся, сынок, я здорова», — и озирались по сторонам — с кем это она.

Но однажды утром вдова не вышла покормить кур, и сельчане, обеспокоенные этим, застали её в постели. Женщина застудилась, полоская накануне бельё в реке.

Сердобольная соседка, вскипятив чайник и налив больную чаем, спросила: «Может, послать за сыном?». И услышав: — «Нет, он сам придёт», — ушла к себе, зная об удивительной связи матери с сыном. Когда к обеду она пришла навестить больную, то была сильно удивлена, застав повзрослевшего и возмужавшего сына вдовы, хотя никто в селе не видел, когда он пришёл.

Через несколько дней женщина, окруженная заботой сына, поправилась. Но юноша уже никуда не уходил. Он остался в родном ауле работать кузнецом. И говорят, хорошим был мастером.

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Я с нетерпением ждал.

«Знаешь, говорят, что они подарили людям ту волшебную нить. Нить, которая связывает нас с близкими, с домом, с тем местом, где мы родились и где похоронены наши предки.

Волшебную нить, которая никогда не рвётся, как бы тонка она не была».

В тот вечер, засыпая, я видел старую саклю, женщину у калитки, уходящую вдаль дорогу, на которой стоял, приветливо поднявший руку, юноша. Наверное тогда я в первый раз понял, почему Рогину называют матерью и почему мы всегда возвращаемся, когда бы и куда ни уходили.

Сказка о прекрасном юноше и полётах во сне и наяву

«Было это очень давно. Ещё дед моего прадеда рассказывал, что высоко в горах был аул. Сакли аула прижались к отвесной скале и, казалось, приросли к ней, а кривые узкие окна смотрели в воду быстрой горной реки, бегущей по дну глубокого ущелья...» — так начал мой старый дед свой рассказ.

Высоко подняв седую голову, устремив куда-то вдаль взгляд ничего невидящих глаз и разминая сильными руками ком глины, сидит он за гончарным кругом и лепит свою новую сказку.

Жил в этом ауле юноша. Высокий и сильный, он выглядел старше своих ровесников. Удивительно красив был этот юноша. Его умные одухотворённые глаза горели каким-то непонятным блеском. Его лицо, всегда спокойное и безмятежное, казалось, было высечено из благородного горного мрамора.

Но ещё удивительней были рассказы юноши. Его истории о диковинных дворцах с башнями, о чёрных людях, о жизни зверей и птиц, о разных неизвестных землях аульские мальчишки слушали затаив дыхание и, воодушевлённый таким вниманием, он рассказывал ещё и ещё... Но на вопрос, откуда он знает это, юноша почему-то отвечал, что видел всё сам и, обиженный недоверием, уходил в горы.

Однажды дети, сговорившись между собой, стали допытываться, как юноша мог всё это видеть, если он никогда не уходил из аула. И тогда юноша сказал, что умеет летать.

Услышав это, дети стали громко смеяться, а женщины перешёптываться — мол, у мальчика не всё в порядке с головой.

С той поры юноша редко выходил из дому — видимо, боясь насмешек сверстников и косых жалеющих взглядов взрослых. Лишь изредка по ночам кто-нибудь из аульчан видел юношу стоящим на краю пропасти с широко распростёртыми руками.

Дег замолчал, вытирая руки о фартук. Перед ним на доске расположился аул, прижавшийся к горам, глубокая пропасть и юноша, стоящий на краю пропасти с широко раскрытыми руками.

... Пересуды в селе приобретали всё большую силу. Кто-то говорил, что юноша вовсе потерял рассудок и готов броситься в пропасть; другие — что он своими фантазиями портит детей. Самые злые утверждали: «Он оборотень, надо изгнать его из аула». Так продолжалось долго, и однажды...

Юноша возвращался домой с речной водой, когда группа детей, издали завидев его, стала смеяться, называя его обманщиком и фантазёром. Неизвестно кем брошенный камень попал юноше в лицо и рассёк до крови бровь.

На шум детей собрались взрослые и с бранью накинулись на юношу. Никто не слышал, да и не хотел слышать слов юноши, что он ни в чём не виноват. Всем хотелось только одного — изгнать несчастного, изгнать оборотня.

И тогда юноша подошёл к краю пропасти, широко раскрыл руки и... взлетел.

Толпа негодующих застыла в оцепенении, видя, как юноша парит в небе. А он летал над домом, в кото-

ром родился и жил, над аулом, из которого его изгнали глупые люди, над родными горами и пропастью. Потом поднялся высоко в небо, приветливо махнул рукой и исчез. Только алые цветы, появившиеся там, куда упали капли его крови, напоминали людям о нём. И ещё...

С той поры каждый мальчишка хотя бы однажды летает во сне, летает как птица, широко раскинув руки-крылья, летает над горами и равнинами, над морями и реками, над городами и сёлами.

Помню, что долго я сидел, прижавшись к деду. Помню также, что и я летал по ночам, летал над горами и лесами, над старой крепостью, стоящей одиноко на скале где-то посреди моря. И ещё помню, что на мои рассказы об этом, дед загадочно улыбался и говорил: «Это ты растёшь, сынок».

Свеча и мотылёк

«Ты знаешь почему мотылёк летит на огонь? А почему со свечи, когда она горит, воск стекает каплями?» — спросил меня дед, раскручивая старый гончарный круг.

Я поспешил поудобнее устроиться возле своего деда и приготовился слушать новую сказку.

«Давным-давно жила свеча. Стояла она на узорном, ручной работы столике в красивом серебрянном подсвечнике.

Спокойным ровным светом она освещала небольшое пространство вокруг себя. По вечерам собиралась возле неё вся семья: дети затевали нешумные игры, отец читал газету, а мать садилась со штопкой или рукоделием.

Так было и, казалось, так будет. Но однажды залетел в открытое окно мотылёк. Летал вокруг свечи и смеялся.

«Что ты смеёшься?» — спросила свеча.

«Потому и смеюсь, что ты слепа и не видишь ничего».

«Да, но я даю свет».

«Свет? Да разве это свет? Ты сама ничего не видишь в этом свете. Ты даже не знаешь, что в комнате есть ещё большой деревянный стол со стульями, стеклянный шкаф с красивой посудой и массивный резной комод для белья. А ты говоришь — свет!» — Мотылёк снова засмеялся.

«А что, бывает свет, который может осветить всё сразу?, — удивлённо спросила свеча. И добавила: — Как будто ты сам можешь дать такой свет».

Мотылёк застыл в воздухе. И вдруг...

Яркая вспышка света, осветившая и стол, и шкаф, и комод в дальнем углу комнаты, ослепила всех. Неожиданно наступила темнота.

После небольшой заминки удалось зажечь свечильник. И все увидели... ..Мотылька нигде не было, свеча погасла.

И только на самом краю подсвечника застыла капелька воска».

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Перед ним на доске застыли стол, шкаф, комод, расположенные в большой комнате, небольшой узорный столик с подсвечником, на котором застыла слезинка воска.

Много лет прошло с тех пор. Никто не знает что лучше — короткая яркая вспышка или пусть тусклый, но ровный свет. Но до сих пор свеча плачет и свет её дрожит от слёз, а мотылёк летит на огонь и сгорает в нём, вспыхивая ярким светом.

Волшебное озеро или ещё одна сказка о любви

Тихо поскрипывает гончарный круг. Снова сижу возле своего дедка, затаив дыхание.

«Ты, наверно, знаешь речку за околицей села, — так начал дед свою новую сказку. — А знаешь ли ты, что начало своё эта речка берет из небольшого озера, которое питает родник? А слышал ли ты, что рассказывают об этом озере? Так слушай».

В старые, стародавние времена высоко в горах в небольшом селе жили люди. Жили как везде живут: мужчины охотились, а женщины растили детей и занимались домашним хозяйством. Казалось бы, ничего особенного, но говорят... На краю села было небольшое озеро. Вода в нём — всегда такая прозрачная, что было видно, как на дне озера бьёт родник. Обыкновенное озеро, каких много в горах. Но старики говорили, что если искупаться в нём в самую короткую ночь в году, то к человеку возвращаются молодость и красота.

Шли годы и, как утренняя звезда, засияла своей красотой юная Рахель.

Весёлая хохотунья любила музыку и танцы, шутки и веселье. На всё село был слышен её смех, подобный говору сбегаящей с гор реки. Целыми днями она танцевала с подругами на лугу за селом.

И стали заглядываться на девушку молодые охотники. Но только отважному Шуму, одному из лучших охотников, отдала своё предпочтение прекрасная Рахель. Часто их видели вдвоём на берегу озера. И... весёлая была свадьба. Всё село танцевало на этой свадьбе. Но больше всех радовалась и веселилась невеста.

Неумолимо движется время. Нет такой силы, которая могла бы остановить его. Родился у Шума и Рахель сын. И всё реже стала появляться на лугу Рахель, и всё чаще на призывные крики подруг отвечала отказом.

И скучала она без песен и танцев. Но сын был её отрадой. И глядя на подрастающего малыша, радовалась она своему счастью.

Но не напрасно говорят в народе, что счастье с несчастьем рядом идут. И в доселе счастливый дом красавицы Рахель пришла беда.

В тот день, когда свои первые шаги сделал ее сын, в тот же день не вернулся с охоты Шум. Только через три дня нашли его сельчане высоко в горах рядом с убитым им барсом.

Много слёз пролила по мужу Рахель, и в слезах ушла её красота. И поседели от горя волосы. И ничто уже не радовало её сердца. И даже сын не приносил утешения.

Только песни и танцы по-прежнему тянули её к себе. Но стеснялась она седых волос и морщин, которые почему-то доставляли радость её сыну, любившему мать.

Всё чаще и чаще вспоминала Рахель предание об озере за селом. Всё чаще и чаще спрашивала у сына — хотел бы он, чтобы мама снова стала красивой. А мальчик, не понимая, с радостью отвечал, что его мама самая лучшая на свете...

И пришла ночь, самая короткая ночь в году. Осторожно, стараясь не разбудить сына, вышла Рахель из сакли и побежала к озеру. На берегу она остановилась, подумав со страхом, что совершает, наверное, непоправимое. Но голоса подруг, кружащихся в танце на лугу, прогнали её страх. И...

Снова радовалась и веселилась Рахель, ставшая такой же прекрасной, как прежде.

И радовались вместе с ней подруги и тацевали.

Утром счастливая Рахель вернулась к сыну. Но тот не узнал матери.

«Это же я, твоя мама, ты видишь — я снова стала красивой, как ты хотел», — убеждала она сына.

Но тот не понимал, всё время повторяя, что его мама и так была самая лучшая, что у неё были красивые белые волосы и, что ему всегда нравились мамины морщинки у глаз.

«Ты не моя мама, моя мама самая красивая», — проливая слёзы, повторял мальчик.

И оставила его Рахель, видя тщетность своих слов. Ушла к подругам на луг. Позабыв о сыне, повязавшись косынкой, целый день танцевала она на лугу. А сын ходил заплаканный по селу в поисках своей самой лучшей и самой красивой мамы. И молчали сельчане, не отвечая мальчику, пряча глаза и покачивая головой.

И пришёл он на луг. Но нигде не было его мамы.

Голодный и уставший опустился мальчик на землю и уснул, положив голову на камень.

Увидела Рахель сына заплаканного и грязного.

И дрогнуло её сердце, и... Бросилась она к озеру, говоря: «Зачем мне молодость и красота, если ты отнял у меня сына. Верни мне моего сына»...

И унесла вода девичью косынку некогда прекрасной Рахель. И радовался сын, целуя мать и играя её белыми волосами. И радовались сельчане.

С тех пор, говорят старики, что озеро потеряло свою волшебную силу, хотя всякий искупавшийся в нём навсегда забывает о своих болезнях и чувствует себя сильнее и моложе.

Дороги судьбы, или старая сказка

Слушая поскрипывание гончарного круга, сижу я возле своего старого дедя. Рассказывая, он тихо покручивает круг, на котором из-под его сильных рук появляются то великолепные дворцы, то убогие сакли; невиданные звери и птицы, цветы и деревья. Вслушиваясь в негромкий голос дедя, в который влетается поскрипывание гончарного круга и, вглядываясь в возникающие на доске знакомые, а чаще незнакомые картины, переносишься в другой мир, в мир сказок седоволосого старца с устремлённым вгаль ничего не видящим взглядом.

Говорят, что очень давно, жил в нашем селе человек. Был он честным и добрым, справедливым и милосердным. И в награду за это дал ему Б-г прекрасного сына. Этого юношу с чистыми и умными глазами, почитавшего старших и помогавшего младшим, любили в селе. Никто никогда не слышал от него ни бранного слова, ни крика, ни ругани.

Только улыбка освещала лицо юноши.

Шли годы. Человек умер, оставив сыну старый, но крепкий дом и пожелание быть всегда добрым и снисходительным к людям и строгим к самому себе, приходить на помощь каждому просящему и нуждающемуся.

Похоронив отца, юноша остался в селе, выполняя отцовский завет. Но сомнения одолевали его — правильно ли он поступил, оставшись в селе, может быть ему стоило уйти и найти свою дорогу в жизни? Всё чаще думал он об этом, и однажды... Приведя в поря-

док дом, оставив не запертой дверь — вдруг пригодится какому путнику, оставшемуся без ночлега, юноша ранним утром покинул село.

Многие дни шёл юноша, останавливаясь только на короткий отдых и ночлег, и пришёл однажды на распустье. Четыре дороги расходились в разные стороны. И ничего удивительного не было бы в этом, если бы... Странные указатели были у дорог. У одной дороги было — Богатство, у другой — Слава, у третьей — Счастье. У четвёртой дороги не было никакого указателя. Сел юноша на камень на распустье и задумался.

Дед замолчал. Перед ним на гончарной госке появились четыре дороги со странными указателями и юноша, который задулавшись сидел на камне у этих дорог.

«О чём думаешь, сынок?», — старый дервиш стоял возле юноши. Усадив странника, поделившись с ним куском высушенного чурека и ключевой водой, юноша спросил, что означают эти странные указатели и почему нет указателя у четвёртой дороги.

«Ничего странного, сынок. Люди называют эти дороги дорогами судьбы. Тот кто пойдёт по первой дороге, будет одним из богатейших людей; тот, кто пойдёт по второй — прославится на многие годы; кто пойдёт по третьей — найдёт своё счастье.

«А четвёртая?» — нетерпеливо спросил юноша.

«Четвёртая?... — Дервиш задумался. — Четвёртая дорога — это дорога в неизведанное, дорога в никуда. По этой, самой трудной из дорог, идут очень немногие. Только тот, кто хочет найти самого себя, кто хочет понять смысл жизни — тот идёт по этой дороге».

Прощавшись, дервиш ушёл. Недолго оставался юноша на распустье. Подумав, он решительно зашагал по дороге, у которой не было указателя.

Говорят, что в селе юноша больше не появлялся. Но прохожие люди рассказывают, что ходит где-то по дорогам старый дервиш с чистыми и умными глазами. И рассказывает дервиш людям о том, что все мы ходим по дорогам жизни и что каждый когда-нибудь приходит на перекрёсток четырёх дорог, на перекрёсток судеб. И каждый, хотя бы однажды, делает свой выбор.

Прошло много лет. Давно уже нет моего дедя. Но в дни трудных и важных решений, я вспоминаю старую сказку и ясно вижу перед собой юношу, который задумавшись сидит на распутии у четырех дорог.

Сказка о простом и вечном

Усаживаясь рядом с дедом, я слушаю, как поскрипывает старый гончарный круг, и смотрю, как живые и сильные руки моего дедушки разминают неподатливый кусок глины.

Затаив дыхание, я вижу как на доске появляется редкой красоты замок с высокими, узорными окнами и воротами. Рядом с замком вырастает большой парк с невиданными зверями и птицами.

Высоко подняв седую голову и глядя куда-то вдаль своими невидящими глазами, начал дед новую сказку.

Слышал я, что жил когда-то человек и было у него три сына. Трудолюбию и доброте, милосердию и уважению к людям учил человек своих сыновей. И внимали отцу дети и росли, помогая ему во всём.

Но короток человеческий век... Отдав отцу последний сыновий долг, задумались братья, как жить дальше, чем заняться.

Однажды услышали они, от идущего через их село дервиша, что каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Только тогда, добавлял дервиш, он может считать свою жизнь не напрасной.

И решил тогда старший брат — построю дом, какого ещё не было на свете, пусть будет он такой красоты, чтобы любовались им люди сотни лет.

Средний брат сказал: «А я посажу парк, и пусть будут в нём птицы и звери, и пусть люди приходят отдыхать в этот парк многие годы».

А младший брат решил — воспитаю сына, чтобы было мне кем гордиться в зрелые годы и на кого опереться в старости.

Стремительно несёт свои воды река по имени Жизнь. И вырос в селе удивительный дом. Комнаты дома были просторными и светлыми, потолки украшала узорная лепка, картинами из жизни людей были расписаны стены. Сельчане любовались красотой дома и удивлялись таланту мастера.

Рядом с домом раскинулся такой же удивительный парк. Невиданные доселе деревья, на ветвях которых распевали свои песни птицы, украшали парк. Белки свободно перепрыгивали с ветки на ветку, а пугливые зайцы перебежали тропинки, по которым гуляли люди. Часто приходили сельчане отдохнуть в тени парка и полюбоваться красотой дома. Но чаще других приходил сюда юноша, с такими же живыми и смыслёнными глазами, как у младшего из братьев. Именно ему передавал отец то, чему когда-то научился у своего отца; именно его учил младший из братьев любви к людям, готовности при первой же просьбе, а чаще и без просьбы, помочь страждущему и нуждающемуся».

Дед надолго замолчал. Я, прижавшись к нему, ждал. Дед вздохнул.

Шли годы. Люди, обременённые заботами, всё реже приходили в парк, и только шум и возгласы играющих детей были изредка слышны возле дома.

Со временем дом перестал казаться таким красивым, как прежде, — картины на стенах поблекли, с потолков свисала паутина, узорная лепка потрескалась и осыпалась.

Да и парк казался опустевшим и запущенным — дорожки, некогда посыпанные песком, заросли, не было слышно птиц и зверей.

Неумолимо движется время.

И вот уже непроходимый лес полностью скрыл от людских глаз полуразвалившийся, некогда прекрасный, дом. И новые поколения забыли имена двух старших братьев. И давно уже умер младший брат.

Но, говорят, живет в селе старик с живыми и умными глазами, который рассказывает внукам о братьях, когда-то живших в селе и о людях простых и хороших.

И ещё — каждую весну у надгробного камня, на котором высечены три имени, расцветают алые маки, напоминая людям о смысле жизни, о простом и вечном.

*Дороги, которые мы выбираем
(размышления на тему...)*

Снова крутится старый гончарный круг. Мой седоволосый дед, устремив вдаль взгляд своих недвижных глаз, разминает сильными руками ком непогатливой глины. Я усаживаюсь рядом и терпеливо жду. И вот на гончарной доске начинается новая сказка.

Давным — давно высоко в горах жил юноша. Целыми днями работал он на скудном клочке земли, доставшимся ему от отца, а по вечерам, по мере сил, старался сохранить в старой сакле тепло и уют, оставленные ему матерью.

Однажды поздно вечером заглянул в саклю дервиш и попросил приюта. Юноша с радостью разделил ужин с гостем. Предложив ему после еды крепкого чаю, он внимательно слушал рассказы странника о других людях, их жизни и обычаях, об удивительных событиях, очевидцем которых был старый дервиш.

Всю ночь проговорили они, а под утро юноша спросил странника, почему он покинул свой дом и чего ищет.

Помедлив, дервиш сказал, что ещё совсем юным стал задумываться для чего мы приходим в этот мир и что должны оставить в нём после себя. И именно поэтому он покинул свой дом и странствует по свету, встречается с людьми молодыми и старыми и ищет многие годы, ищет в жизни свою дорогу.

Дед замолчал. На гончарной доске вырос лес и потекла река. Между ними змешлась дорога, по которой шагал человек.

Знаешь, через много лет я понял — все дороги начинаются у отчего порога. И ещё... Напрасно говорят, что у каждого своя дорога. Нет. Все мы ходим по одной дороге, по дороге с названием Жизнь. Но каждый из нас оставляет на этой дороге свои следы. И следы эти зависят от того, как мы относимся к людям, с которыми встречаемся — делимся с ними теплом души или проходим мимо, спрятав взгляд; протягиваем руку помощи тем, кто устал и ослаб, или сталкиваем их со своего пути...

Давно заросла тропа, по которой ушёл старый дровиш.

И много лет нет моего деда.

Но часто я вспоминаю широкую улицу, сильные руки отца, который идёт рядом и что-то рассказывает о людях плохих и хороших.

Потом настал день, и я шёл рядом с сыном и говорил ему о смысле жизни, о добре и зле.

Знаю, придёт день и мой внук будет идти рядом со своим отцом и слушать его рассказы о любви и дружбе, и о дорогах, которые мы выбираем.

СТИХИ

немногое о многом

Женшине. Признание в любви

У тебя от меня нет секретов,
Тайн, которые нужно скрывать,
Только, странное дело, при этом
Есть загадка, что мне не понять.

Коль коснёшься — земля под ногами
Задрожит, не унять эту дрожь,
Или взглядом лукавым поманишь
И с улыбкою вдруг оттолкнёшь.

В чём тут дело, ты Б-г или дьявол?
«Где тут тайна?», — смеются друзья.
Я не час — годы жизни потратил,
Но понять тебя, видно, нельзя.

Пред тобой преклоняя колени,
О любви я опять говорю...
Пусть тебя проклинают другие,
Я же ЖЕНЩИНУ боготворю!

**...И жизнь,
как ожидание встречи...**

Твой силуэт, блокнота лист
вдруг талым снегом на поляне,
и недосказанности смысл
в твои глазах и ждёт, и манит.

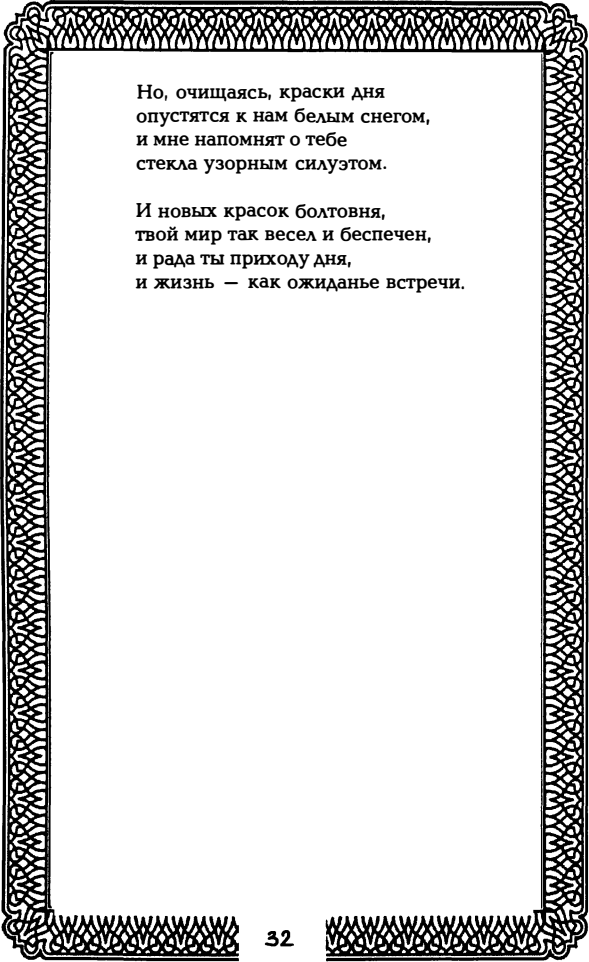
Весенний город свеж и чист,
осколки солнца в брызгах лужиц,
людской наполненный толпой,
той, что в обыденности улиц.

Но краски лета из окна
ворвутся, лягут на бумагу,
и обретут мои слова
оттенок многоцветных радуг.

Омыты летнею грозой,
цветным оденутся деревья,
багряно-жёлтой суетой
коснётся осени веселье.

Но исчезают на ветру
осколки слов, обрывки песен,
вдруг стал огромный этот мир
для нас двоих и мал, и тесен.

И яркость красок в серый дым
костров осенних, дождь стеною,
и катится твоя любовь
из глаз хрустальной слезою.

Но, очищаясь, краски дня
опустятся к нам белым снегом,
и мне напомнят о тебе
стекла узорным силуэтом.

И новых красок болтовня,
твой мир так весел и беспечен,
и рада ты приходу дня,
и жизнь — как ожиданье встречи.

Помните - ахмединежадам

И вновь открыто возглашает «фюрер»:
«Израиль и евреи — вот беда,
давно пора упрятать их в Европу,
чтоб стал Восток свободным навсегда».

Стреляли в нас, живём кидали в печи,
сгоняли «навсегда» в концлагеря...
Теперь же Ахмединежада речи...
Нас ждёт, наверно, новая война.

Пусть враг силён, но нет в народе страха,
и ВЕРА в нас по-прежнему сильна.
Так много их, желавших нашей смерти,
в неизвестности исчезло навсегда.

Нам нужен мир, не грохот кананады,
друзья — соседи, громкий детский смех,
но пусть запомнят ахмединежады,
наш дом мы сможем защитить от всех.

Мои друзья

Вокруг меня друзей всё меньше, меньше,
Уходят.., и стираются черты,
Но жив пока, они со мной, как прежде,
И в радости моей, и в день беды.

Когда бы мог друзей вернуть однажды,
За жизни их я жизнь свою отдал.
Но не войти нам в реку Жизни дважды,
Лишь в памяти их лица, имена.

Но в день последний соберу всех сразу,
За встречу выпью — не за упокой,
За дружбу выпью и ещё за радость ...
Мои друзья, вы снова все со мной.

**...Может, наказание,
может свыше дар**

Плен твоих объятий,
поцелуев жар...
Может, наказание,
Может — свыше дар...
Убежать? Как бросить
плен нежнейший твой?
Потому кидаюсь
в омут с головой.
Забывая время,
принимая рок,
я в твоих объятьях
«отбываю» срок.
И, сгорая в страсти,
разжигаю жар...
Небесам спасибо
за чудесный дар!

О себе - рифмоплет

Пишу я обычно «в стол»,
... тут много всякого разного.
Вот найдут историки
... обрадуются несказанно.

Когда начнут разбираться,
... узрят сквозь призму столетий,
С болью здесь слог рождался,
... как рождается всё на свете.

Найдут ПОЭТА? Не знаю.
... ПОЭТА во мне немножко,
Всегда я путал сонеты
... с белым стихом и окрошкой.

Среди хореев и ямбов
... следы мои пропадают ...
Так много сказать пытался,
... сумел ли сказать? Не знаю.

Просто жить

Много лет тому, как в старых сказках,
вышел к перекрёстку трёх дорог ...
Быть богатым или быть «во славе»,
или «просто жить» я выбрать мог.

Молод был, раздумывал недолго,
всё бегом, куда я так спешил,
потому, наверное, невольно
о деньгах и славе я забыл.

По дороге, выбранной однажды,
шёл не день, не год, но просто жил,
плакал, если больно, и смеялся,
тосковал, влюблялся и грустил.

Повстречал Её, и с нею рядом
я прошёл сквозь бури и дожди,
дней счастливых я прожил немало,
много их, надеюсь, впереди.

Только вот беда — за годы эти
я богатства-славы не обрёл ...
Сыновья и дочь со мною рядом,
и друзья ... В них я себя нашёл.

Годы дней... Зима не за горами...
Выбор этот раз и навсегда.
Глупый выбор? Может быть, не знаю,
«просто жить» ...

...но просто жить я рад.

...Не бессмертны, но вечны

(жертвам Холокоста)

Вся земля здесь пропитана болью,
пеплом чёрным и стоном людским...
Ты вдыхаешь, и боль эта с кровью
достигает до самых глубин.

И душа замирает, и словно
ты идёшь в пасть горячей печи,
и лишь «Шма...», будто вздох в
поднебесье...
Кто такое, скажи, допустил?

Перед Б-гом мы в чём виноваты,
перед Миром в чём наша вина?..
Но летят в небеса миллионы,
повторяя безмолвное «Шма...».

Эта боль нам на плечи ложится
и набатом стучится в висках,
и живём не бессмертны, но вечны,
без вины виноваты в веках.

Стражи памяти

(жертвам Холокоста)

Чёрный дым поднимается в небо,
Чёрным пеплом засыпав весь мир,
Трубы свастик, еврейское гетто,
Звуки скорби умолкнувших лир.

Сколько их безымянно-безмолвных,
Кто во рвах без имён, кто в печах,
Лишь за «jide» — безвинно виновных,
В смерть, как в вечность ушли в лагерях.

Мир молчал, равнодушно взирая,
Извиненья, увы, ни к чему,
Как в мольбе, в белых птиц превращаясь,
Миллионы уходят в дыму.

Время лечит — боль тише, боль реже,
Только снова тревожный набат ...
И печей обгоревших скелеты
Словно памяти стражи стоят.

Продажен мир, как шлюха...

Продажен мир, как шлюха на панели,
Как девка — та, что служит для утех...
Правители, трудяги, менестрели —
Звон злата завораживает всех.

Продажны мы, не важно где и как,
Себе подчас без денег изменяем,
Оправдываем всех — мол, нужно так,
Надеясь, нас другие оправдают.

Хоромы, мерсы, тёлки, зарубеж,
Нам чёрт не страшен коли «пресс» в кармане,
И злата власть возносим до небес,
Даём «на чай» — так нищим подавали.

Но вот однажды озаряет нас
И понимаем — жили на панели...

.....

Мы Б-га вспоминаем лишь тогда,
Когда к последней, вдруг, подходим двери.

У нас осталась память

*Светлой памяти моей племянницы Галит,
погибшей за неделю до свадьбы*

Жизнь твоя оборвалась на взлёте,
словно песнь, что пелась в тишине
и умолкла на высокой ноте,
вдруг исчезнув где-то в вышине.

Ввысь взлетела в платье подвенечном
белым журавлём, взмахнув крылом,
для друзей оставив только нежность
и любовь ... Их в сердце бережём.

И болит, и кровоточит рана,
и от боли этой не уйти...
Ты ушла... У нас осталась память.
Будем помнить — значит, надо жить.

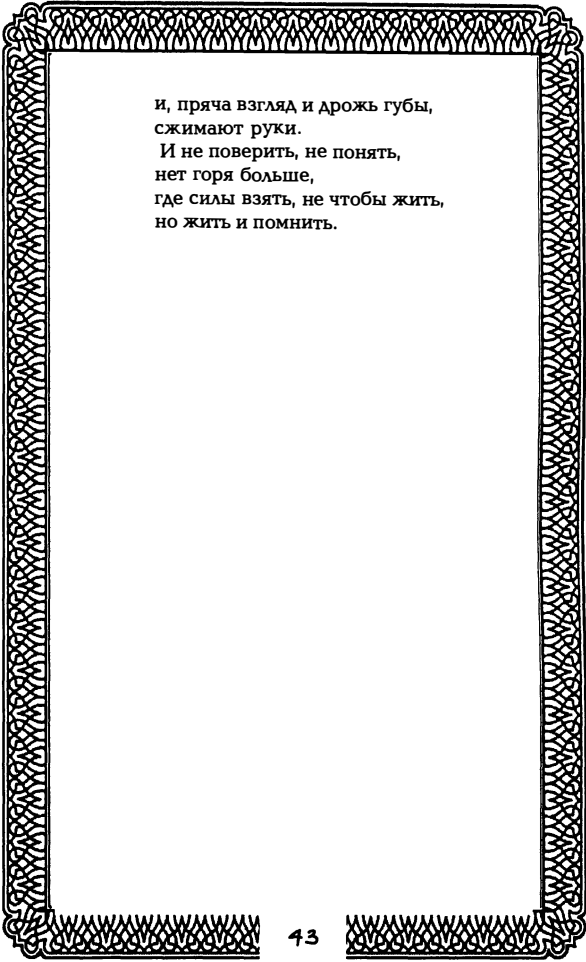
...Но жить и помнить

*Светлой памяти моей племянницы Галит,
погибшей за неделю до свадьбы.*

Как боль мне эту пережить
и как понять,
чтоб счастья двоих лишить
и жизнь отнять,
у девочки, что свой наряд
невесты белый,
лишь заказала, но надеть...
нет, не успела.

Сидит вся в чёрном мать, в слезах,
не мать, а камень,
и взгляд застывший на двери:
«Ну, где ты, Галя? —
вот-вот, сейчас она войдёт...» -
но дверь не скрипнет,
и сердца боль — «за что, за что
лишили жизни?»

И два колечка на груди,
не стал он мужем,
жених на память завязал
и слёзы душат.
Склонили головы свои
друзья-подруги,

и, пряча взгляд и дрожь губы,
сжимают руки.
И не поверить, не понять,
нет горя больше,
где силы взять, не чтобы жить,
но жить и помнить.

Непогода

(февраль, Тверия)

Сбились в кучу одну
сиротливые лодки,
серый день, солнца нет,
и размыт горизонт.
Одинокий прохожий,
зябко кутаясь, просит
закурить, прикурив
поспешает домой.

Что-то шепчет волна,
набегая на камни,
вдаль идут катера,
тянут сеть за собой.
Чайки мочат крыло
под дождём. Непогода...
Пусть пустует кафе,
хорошо нам с тобой.

Огонь твоих губ

Огонь твоих губ
и прохлада груди,
объятия рук,
поцелуи в ночи.
Бёдер шелка
и волос водопад,
сводит с ума
твой каштановый взгляд.
Касание рук,
вдаль уносит река,
и тают в тумане
её берега.
Ночь эта — вечность,
здесь мы только вдвоём,
снова бросаюсь
в глаз твоих водоём...
Звёзд покрывало,
простыней белизна,
и чашу любви
выпиваем до дна.
Мгновенья блаженства
и близости миг ...
мы снова взлетаем
и падаем вниз...

Празднуем Любовь

Мы вновь с тобою празднуем Любовь,
Нам полночь салютует — в россыпь звёзды,
Луна улыбчивая полной горстью
На ложе сыплет золотым руном.

А сваха-ночь над нашим изголовьем
Шатёр раскрыла разноцветный свой,
И вишня до пьяна поила соком,
Раскрасив алым губы нам с тобой.

И зелень трав приятно нежит тело,
И песнь цикад уносит в мир иной...
Здесь всё для нас и мы в садах Эдема
Опять с тобою празднуем Любовь.

Хочу понять...

Хочу понять, что в этой жизни значу,
Какой оставлю на земле я след,
И эту боль, что от других я прячу...
Мне сердце рвут обиды прошлых лет.

Что сделать мог, и то, чего не сделал,
Ошибок не исправить нам вовек,
Как, жизнь поняв, плохое в ней поправить,
Как жизни этой мне замедлить бег?

Средь жизни дней мне не найти покоя,
Как конь пришпоренный несётся вскачь,
Душа кричит — кровоточит от боли...
Но от себя никак не убежать.

И, стиснув зубы, боль в себе я прячу,
Другим помочь стараясь каждый раз,
Они пусть скажут, что я в жизни значу ...
... Я так живу — чтобы не прятать глаз.

В ней вся вселенная...

Дыхание едино... Губы
сомкнулись в долгом поцелуе.
Когда-то были просто руки,
теперь — объятья... Слёзы, муки
забыты, боли и разлуки,
мы не расстанемся однажды.
Слились тела в порыве страстном...
Я не один, теперь я — дважды.
Рассыпал звёзды на подушки,
забыв про мир, он нам не нужен...
Сердца открыты, настезь души...
Лишь ты и я, что будет лучше.
Ты — день и ночь, зима и лето.
Ты — перепады настроений.
Ты — суть моих полночных бдений...
Зачем мне мир?.. Здесь ты... Раздета...
И тонко пальцами касаясь
груди, ложбинки, бёдер жарких,
ты вдруг, внезапно, понимаешь
в ней вся вселенная... Взлетаешь...

Признание

Взлетал до звёзд,
с обрыва падал вниз
среди друзей
и незнакомых лиц.
Был королём.
Бывало, падал ниц,
искал покой
в тени твоих ресниц.
Нашёл. И твой
медовый аромат
пьянит меня
так много лет подряд.
Теперь с тобой
взлетаю я до звёзд
и вниз лечу
под ливнепадом гроз.
С тобою рядом
я всегда Король,
но для тебя —
всего лишь Раб я твой.

Грусть осталась (осень)

Осень нас укрыла разноцветной шалью,
Не дождём унылым, не тоской-печалью.
Болтовнёю красок, криком журавлиным,
Застелив дороги, в гости пригласила.
У костра в лесочке усадила рядом,
Напоила соком из плодов и ягод.
Из грибов с картошкой смастерила ужин,
Песней полуночной облегчила души,
Окатила разом дождиком осенним,
Обсушила ветра лёгким дуновеньем.
То росой холодной утром умывала,
То лучом-котёнком нежно согревала.
Закружилась в танце, хитро рассмеялась
И ушла за летом...

...только грусть осталась.

Срываюсь с шепота на крик

Вновь срываюсь с шёпота на крик,
Бой неравный разума и сердца...
Для тебя открыл души я дверцу,
Думал на короткий самый миг.

Но с петель совсем сорвались двери,
В бесконечность превращая миг,
День и ночь, закаты и рассветы...
Заблудился между Я и Ты.

Днём кричу – моложе есть, красивей,
Мол, устал, всё надоело мне...
День пройдёт тебя спешу увидеть,
Улыбнуться я хочу тебе.

Где тут Я? Себя найти пытаюсь,
Много лет ищу во мгле времён ...
Но и днём, и ночью, я признаюсь,
Лишь в тебя одну всю жизнь влюблён.

Ты ревнива, спасения нет...

Ты ревнива, спасения нет.
Много лет объяснить я стараюсь,
Что с тобою встречаю рассвет,
Хоть глазами других провожаю.

Да, я женщин люблю, спора нет,
И, порою, другим улыбаюсь,
Но в других лишь тебя я люблю
И тебе лишь с тобой изменяю.

Берегу это чувство...

*Чувство родины — это великая роскошь,
я позволить такого себе не могу...*

Чувство Родины — большая роскошь...
Гордо я шагаю по земле,
нет страны, что нет могилы предков,
ну а здесь — могилы сыновей.

Жизнь детей, что только начиналась...
Банды, что из нелюдей, убийц,
кружатся в погоне за наживой
без семьи, без дома и без лиц...

Не понять мне, это воля чья-то,
иль предначертание Отца...
Но земля мне эта стала свята,
на века здесь Родина моя.

И куда б меня вдруг не забросило,
дома я везде и там, и здесь...
Берегу я это чувство Родины,
то не роскошь, но Судьба и Честь.

Иерусалим (мысли вслух)

Царь Соломон великий Храм построил,
Здесь Б-жий дом и центр всей земли...
Пусть Храма нет, но город есть и будет,
Наш вечный город — Иерусалим.

...

Две тыщи лет в дороге мы — в изгнание,
Гонимы отовсюду и всегда,
И лишь надежда — бе Ерушалаим
Окажемся мы бе шана аба.

...

Свершилось. Вот он — Иерусалим.
Стою, склонившись, у стены высокой,
И плач-мольба отсюда в небо, ввысь,
И понял вдруг — закончилась до
рога.
Дорога страхов, унижений, слёз,
Жил среди людей как-будто в волчьей стае...

Но снова волки, цвет лишь поменяли...
И вновь в пути — иду дорогой грёз.

Судный день (Иом Китур)

Жизнь замерла...

Нет, нет, не умерла...

Застыл народ в молитве о прощенье,
Простим друг другу наши прегрешенья,
И все грехи пусть всем нам Б-г простит.

Огонь свечи...

И очищенья свет...

И свиток Торы... Нет для нас священной,
О жизни лучшей, но не о забвеньи
Пусть Глас шофара всем нам возвестит.

* * *

Перебираю в памяти весь год...

Хотел всего,

Но сделано так мало,

Из сотен только три десятка дней

Тепло дарил я и большим, и малым.

Но чаще для себя...

Жил, позабыв других,

Я холил тело, погрязая в страсти...

Нет среди людей, наверное, ужасней,

Так низко пал и не достичь вершин.

И вот теперь стою,

Склонившись, спрятав взгляд,

Я пред Судом и, в общем, пред собою...

«Будь милосерден, прах я пред Тобою,

И приговору я любому рад».

Стена

Рождаемся...
Вокруг растёт стена,
Родители ту стену воздвигают
И так детей своих оберегают
От боли и страданий
В мире зла.

Идут года,
Мы стены раздвигаем
И поднимаем ... Не уничтожаем.
Мы наш мирок от грязи защищаем.
Взглянуть за них боимся...
Может, зря.

Приходит день,
И мир души спасая,
К Стене* идем и открываем там,
Что наболело и о чём страдаем...
Рыдаем...
Глаз от стен на поднимая.

В последний час,
Когда толпа людская,
Нас провожает в самый дальний путь
И, плача, между стен нас опускает...
Мы разных стен
Вдруг понимаем суть.

Вдруг понимаем —
Страха есть стена,

Непониманья и стена презренья...
Но более всего стены забвенья
Боимся...
Рубим в камне имена.

Рождаемся
И новая стена
Встаёт, нам отделяя место...
Нет стен вокруг, и это всем известно...
У каждого из нас
Внутри стоит стена...

* – Стена плача в Иерусалиме.

Всю боль...

Всю боль народа я вобрать хочу
И в поднебесье взмыть, чтоб искрой просто
Рассыпаться... И, боль ту пережив,
Порой ночью засиять, как звёзды.

Печаль-тоску из глаз собрав по капле,
Я к облакам... И тучею-грозою
Прольюсь, и напою лесные чащи
Холодным утром чистою росой.

Я жизнь свою за то отдать готов,
Чтоб край пустынь в оазис превратить,
За то ещё, чтоб бедный мой народ
Спокойно мог детей своих растить...

Я видел ночи смерть...

Я видел ночи смерть
и дня рождение,
Закаты и рассветы
и рек течение.
Вдоль берега вдвоём
я шёл с любимой,
Дорогами судьбы
меня носило.
Я в горы лез и вниз
летел с обрыва,
Морями плыл, тонул
в болотной тине,
В лесах не раз блуждал,
в степях был ветром
И о любви писал,
не став поэтом.
Но через годы дней
сумел понять,
Что где-то ждёт причал
и будет ждать...
...Некрашенный плетень
и скрип калитки,
Усталый мамин взгляд,
её улыбка...
Вновь к ласковым рукам
спешу прижаться,
Я опоздать боюсь,
в пути остаться.

Любовь вздохнула и ушла...

Звезда сверкнула в вышине,
звезда сверкнула,
И белым платьем за окном
любовь мелькнула.

Тепло души и нежность чувств
не сохранили,
Рука в руке, но лишь мороз
и пальцы стынут.

И наш костёр в ночи не грел,
он тлел-дымился,
Пустой кувшин с тобой несли,
и тот разбился.

Играли звезды в темноте,
луна смеялась,
Любовь вздохнула и ушла,
лишь боль осталась.

Виола, скрипка или арфа

Виола, скрипка или арфа,
Я вижу разницу едва.
Все, в общем, женщин воспевают,
Все, в общем, женщина одна.
Девчонка-скрипка, так прекрасна
И в юности своей свежа,
Смеётся если — громко, ясно,
А если плачет — чуть дыша.
Виолончель, поверьте други,
Тут прав поэт, прекрасней нет,
Не девочка и не старуха,
Но женщина в расцвете лет.
Та, что любовь свою дарила
И не жеманясь каждый раз,
Всем телом с нами говорила
И к звездам забирала нас.
А с арфою сравнить могу
Лишь ту, что жизнь нам подарила
Носи, роди — какая сила...
Беременных боготворю.
Жизнь ощущая всем нутром,
С достоинством идешь и, право,
Нет слов чтоб это описать,
Прекрасна ты и величава.
Пора закончить опус сей.
Вы улыбнетесь, точно знаю...
Я ЖЕНЩИНУ пою и ей
Одной стихии я посвящаю.

Время разрываю на куски

Время разрываю на куски...
Нет ни завтра, ни вчера...
Лишь ты.
Ты сегодняшняя.
Этот миг,
как до боли выстраданный крик.

Нет пространства...
Капелька слезы,
что скользнула по щеке звезды
и рассыпалась дождём...
Для нас
капли счастья у звезды из глаз.

Лес высокий
Берега реки...
Чуть касаюсь я твоей руки...
Так целует нежно берега
легкой дымкой быстрая река.

Миг любви
и разноцветье гроз,
сотканы для нас из звёздных слёз...
Мы идём вдоль берега реки,
разрывая вечность на куски.

На земле только ты и я...

На земле двое нас — ты и я,
Тихий блюз и мерцанье свечи,
Тишина, только сердце кричит
О весне, о тебе, о любви.

Дым волос твоих, как водопад,
Что низвергся с крутых вершин,
Завертел меня в омуте глаз,
Лаской рук меня усыпив.

И уста — лепестками роз
Одурманили разум мне.
И груди твоей две вершины,
Что зовут и манят к себе.

Половинки одной души...
К «бездне жизни» скольжу я вниз...
В тишине только крик любви
Вольной птицей взмывает ввысь.

Замирая, лечу к облакам...

Замирая, лечу к облакам,
Понимаю других, грешен сам.
Быть хорошим хотел, в рай попасть,
Труден путь, в грех легко можно впасть.

От печали-тоски в омут глаз,
Сам с другими спасался не раз.
Над тобою сомкнётся вода,
И на доньшке глаз пустота.

Но мелькнёт вдруг вдали огонек,
Луч надежды нас к жизни зовёт...
И всплываешь наверх, чуть дыша,
И по россыпи звёздной душа.

Свеча горела на столе...

Свеча горела на столе, свеча горела.
Играли блики на стене, играли тени.
Луна смеялась за окном, луна смеялась.
Любовь мелькнула за стеклом, но не осталась.

«Ведь страсть — она пылать должна, —
ты мне сказала,
Хочу в любви твоей сгореть», — и рассмеялась.
И позабыв про все дела, про все напасти,
Я утонул в твоих глазах в порыве страсти.

Любую боль твою...

Любую боль твою переболею,
Любой твой стон в душе своей сдержу,
Ты никогда услышать не сумеешь,
Что лишь тобой и для тебя живу.

Алмазы звезд сплести в венок сумею,
Вуаль Луны тебе я принесу.
Но никогда признаться не посмею,
Что для тебя и лишь тобой дышу.

Приснилось мне...

Приснилось, что меня давно уж нет,
Я где-то там за всё держу ответ,
Что мог помочь кому-то — не помог,
Что возомнил, мол человек — он Б-г,
Что зол бывал, а мог бы быть добрей,
Жалел тепла души я для людей,
Что предавал себя, за призрачным гоняясь,
Что Б-га забывал, делами прикрываясь...

Но лишь за то прощён навеки был,
Что больше жизни я тебя любил.

Когда бы мог...

Когда бы жизнь я мог прожить опять
Что изменил бы, что хотел исправить
Всю боль земли в себя б хотел вобрать
И для людей тепло души оставить

Когда бы мог звездою малой стать
Путь освещаю в темноте заблудшим
Я осушить хотел бы слёз моря
Любовью отогреть сердца и души.

Всю силу сильных я в себя вобрал
И смерть несущее всё б в бездну сбросил,
Засеял бы зерном любви поля
Взрастил сады, в явь превращая грёзы

Тысячелетий мудрость всю собрав
Хотел бы рассказать я всей планете
О чём журчит ручей и что кричит сова,
Что плачет ива и смеются дети.

Всё б изменил и изменился сам
Но лишь одно оставив неизменным
Хочу я просыпаясь по утрам
Твою улыбку видеть непременно.

Опять тоска

Опять тоска, опять болит душа,
И горы вновь зовут, и море манит.
Но знаю я вернуться мне нельзя,
Здесь Родина моя, что пращур мне оставил.

Я бросил там друзей и отчий дом,
И землю — мать, что нас с тобой вскормила.
Но видит Б-г, не знаю до сих пор,
Так много дней прошло, что важно было —

Остаться, иль уехать навсегда?
Остаться — значило забыть о Вере,
О Б-ге, и не слышать никогда,
Как по утрам « Шма...» повторяют дети.

Я уходил...

Я уходил, душа болела,
Ведь от себя ты не уйдешь.
Но как мне быть? Такое дело,
Ведь не уйдя, и не придешь.

И бросив все, и дом, и близких,
Уехал в "теплые края".
Над нашим домом тучи низко,
Как там ты, Родина моя?

Но мать вдруг мачехою стала,
Кровит душа, такая боль.
И оттолкнула, не позвала -
Уйти изволь.

И бросив все, в края чужие
Уехал мать свою искать,
Что родила, но не взрастила,
Что сына вновь спешит обнять.

И по крупицам открывая
Забывтый мир,
Пусть Б-г простит, не надо рая,
Лишь мать — прими.

И приняла, рукою нежной,
Прижав к груди...
Не уходя, скажите, как же
К себе придти.

Далекий предок мой зажег свечу

Далекий предок мой зажег свечу,
Свечу, что сердце мне и душу греет,
И я огонь тот вечный берегу,
И погасить его никто не смеет.
Горела та свеча и день, и ночь,
Нам путь в тысячелетях освещая,
И было много их, желавших нам «помочь»,
Пусть без свечи, но всё ж дойти до «рая».
Но бедный мой народ хранил тепло
Огня, зажженного далеким предком,
И истребляем был: на эшафот
И на костер входя за то нередко.
И как забыть их, заживо сожженных
И погребенных заживо, когда
К господству, пол — Европы подминая,
Коричневая двигалась чума.
А сколько их, известно — безымянных,
Чьи имена вновь открываем мы,
За семь десятков молча исчезало
От лап кроваво — огненной чумы.
Огонь свечи горит неугасимо,
И я огонь тот вечный берегу,
Ведь без него, и это точно знаю,
Я кану в Лету, сгину, пропаду.
Далекий предок мой зажег огонь,
Его храня в веках, народ не гнется,
И днем, и ночью душу согревает
Огонь, что Верой у людей зовется.

Последняя молитва

Я к небесам последнюю молитву
Вновь вознеся, лишь об одном прошу,
— Пусть будет мир и горя пусть не будет
И только смех и радость впереди.
О, Пастырь, сыновей своих заблудших
Вновь собери ты в свой прекрасный дом,
Дай Веру им и пусть звезда Давида
Вновь воссияет в небе голубом.

Трагедия террора, или повторения

Сильные мира сего отдали маленькую страну на растерзание, каккогда-то Чехословакию. Но история имеет свойство повторяться.

Увереньям слёзным Арафата
верит мир,
ну как же, как же,
брат нам...
Но обед* и ужин*
без прибора
поедает
злойный МИР ТЕРРОРА.
Ну а завтрак**?
Боже. Мир резвился...
только зверь тот
нами подавился.

Ну когда загонят
зверя в нору,
чтобы жить нам
в МИРе без ТЕРРОРА.

* – обед и ужин – Америка, Россия, Европа, Азия и т.д.,
на усмотрение читателя.

** – завтрак – Израиль.

Опять бегу...

Опять бегу, куда — зачем не знаю,
А может ветер по пути несёт
И жизни, что вокруг, не замечаю,
Забыв про всё, опять лечу вперёд.

И надо хоть на миг остановиться,
Назад взглянуть — зачем и как я жил,
Кому помог хоть малого добиться,
А может быть в пути кого-то сбил.

Чего хочу и что я в жизни значу,
Остановиться нужно и понять,
Что вдруг смеюсь, когда вокруг все плачут,
Как я живу, куда спешу опять.

Но снова от себя я убегаю,
Бессонницей — усталостью плачу...
Быть может в поднебесие взлетаю,
А может просто в пропасть я лечу.

Что Истина?

Что — Истина? Познать её стремлюсь
И жизнь свою ей в жертву принести.
Так много лет я лишь за ней иду,
Чтоб в ней одной Покой свой обрести.

Что есть Любовь? Попробуйте ответить.
Чьи чары не понять нам никогда.
Вино и яд её манят нас... Так порой
Летят на свет свечи два мотылька.

А Вечность? Это Бездна или Память?
Кто мне раскроет её тайный смысл?
В одно мгновение исчезает знатный,
И сотни лет живёт простолудин.

Любовь и Истина, Жизнь и Желанье...
Так много тайн. И снова я в пути.
И дай мне Б-г не Вечность обрести,
Но средь дорог найти лишь путь к Познанию.

Сумел остановиться и взглянуть...

Сумел остановиться и взглянуть,
Я дней ушедших смог увидеть суть.
И жизни смысл понял я тогда,
Что жизнь моя одна лишь суета.
Придя на перекрёсток я судьбы,
Свою дорогу не сумел найти.
Пытаясь удержать в руках синицу,
Я в жизни упустил свою жар-птицу.

Куда-то мчался, падал и вставал,
Себя в пути я где-то потерял.
Хотел я воплотить свою мечту,
Но растерял, сменив на пустоту.

Темно вокруг, сожжён внутри до тла...
.. Но не пугает больше нагота.
Крик журавля меня с небес зовёт
И жизни дней я не окончил счёт.

Вдруг вспомнил я — нагим наш мир рождался.
Он спотыкался, падал, разбивался..
Подняться вновь мне Вера помогает
И луч Надежды путь мне освещает.

Однажды странный сон приснился мне

Однажды странный сон приснился мне,
Куда-то мчусь на розовом коне,
Снежинки ласково мне на лицо ложатся,
Летят навстречу белые дома,
Деревья, распушённые под снегом
И дни бегут своею чередой,
Весна сменяет зиму, осень — лето.
Я тороплюсь и, дней не замечая,
Всё вдаль спешу, боясь замедлить бег,
Ведь короток так человеческий век,
Я жить спешу, боюсь что опоздаю.

И вот уже не розовый, а красный
Конь подо мной свой продолжает бег,
Пусть не летит, но всё ж довольно резв,
Меня вперёд несёт он, дней не замечая.

Да, в удивительном моём и странном сне
Куда-то мчусь на буром я коне.
Я тороплюсь и, лет не замечая,
Нет не коня — себя я загоняю.

И вот давно уж шагом конь плетётся
И масть теперь уже не разобрать,
Снежинки в цвет свой выкрасили прядь
И тают медленно, в лицо впиваясь колко.

И пусть давно устал, я жизни рад,
Друзьям, улыбкам, песням и цветам,
Любви людской, такой неповторимой,
Я рад весне, что вновь сменяет зиму...
Ведь где-то там, в моём прекрасном сне,
Мой внук летит на розовом коне.

Рассказывал мне дед...

Рассказывал мне дед седобородый,
Что наша жизнь сравнима лишь с дорогой.
Есть много остановок на пути,
Но лишь идущему до «Истины» дойти.

Один свой путь закончит у «Богатство»,
Красавица — жена, машина, дача.
Но почему не спится по ночам,
А не попал ли я к богатству в рабство.

Другой однажды встретившись с «Любовью»
Ей жизнь отдаст и счастлив будет.
Тот вдруг замрёт — увидит серость буден,
Кто удовольствием себя лелеял.

Закончит путь свой кто-то у «Надежды»,
А кто-то упадёт, до «Веры» не дойдя.
Но лишь задумавшийся — «кто же я?»,
До «Смысла жизни» тот дойти сумеет.

Слова, слова...

Слова, слова, опять слова,
Сколько пыли на книжных полках...
Зёрна смысла ищем порой,
Слов пустых перебирая тонны.

Сколько шума над нашей Землёй,
Звон набата и крик муэдзина.
Чтобы слышать других нам с тобой
Тишина нужна, глаза и лица.

Лишь улыбки, открытый взгляд,
Не взрывы и дробь автомата...
Пусть все слышат лишь детский смех,
Но не плачь над сыном и братом.

Может нам пора повзрослеть,
Не сыпать словами пустыми,
Да и вырвать из книг листы,
Что твердят про бомбы и мины.

Изменить пора словари,
В них оставив слова простые,
Дружба, Братство, Любовь и Мир...
Счастливые — все мы красивы.

Не бросайся словами

Не бросайся словами
И не руби с плеча.
Слово порою ранит
Больнее меча.
Для друга слово — поддержка
С ним все тропы легки.
А для любимой — нежность
В сердце своём береги.
Лишь для врага — как жало,
Как меч обоюдоострый
Слово готовь. Созрело —
"Сухим" не вкладывай в ножны.

Листья опавшие памяти

Листья опавшие памяти
Сжигаю огненно-красные,
Золотом блеклым одетые
Дни моей жизни праздные,
Выбелю заново снегом
Белым дни моей юности,
Напишу судьбу свою наново,
Избегая ошибок-глупостей.
Не теряя времени даром,
Жить я стану праведно-строга,
Забывая "радости малые"
И не слушая "крика убогих".
Разложу свою жизнь по полочкам,
Распишу судьбу по минутам,
Но боюсь, что жить перестану,
Не гореть, но лишь тлеть я буду.
Ни тепла от меня, ни радости
И ни света, путь освещающим,
Лишь зола едва-едва теплая...
Не хочу. Навсегда решаю я,
Что коль суждено мне будет
Жизнь начать свою заново,
Не теряя зря ни минуты,
Я её проживу по-старому...
Помогая больным и уставшим,.
Куском хлеба делясь с голодными,
Отдавая рубашку последнюю
И кров свой деля с бездомными.
Моё имя в скрижалях истории
Пусть не впишут, увы, навеки
Для людей, меня окружающих
Я остаться хочу Человеком.

Чужая боль

Чужая боль уснуть мне не даёт.
Моя судьба определилась так,
Что в жизнь мою прожить мне суждено
Ушедшие, грядущие века.

Шумит гроза. Дождинки по щекам,
Как капли слёз... Прикован я к скале,
И много лет орёл мне печень рвёт:
Всё ж дал огонь я людям на Земле.

Идут года. И знойною пустыней
С народом избранным я много лет бреду.
Разбиты ноги в кровь. И шепет тихий:
"О Б-же помоги". Но я иду...

А вот костёр мой объял колени,
Я вместе с Бруно у столба стою.
Святою инквизицией наказан,
За Истину я жизнь отдал свою.

А сколько раз и в негритянских гетто,
И в прериях индейских погибал,
И воскресал, и снова умирал
Я за людей, жизнь отдавая где-то.

Когда ж в себя вобрал я эту боль?
За что мне этот тяжкий крест назначен?..
Пусть на Голгофе нынче я распят,
Но знаю: жить я не смогу иначе.

И постигая тайну Бытия

И постигая тайну Бытия,
Сквозь сумрак Неизвестности идем
И, спотыкаясь, падая, бредем,
И в кровь носы... не то, опять не так.

Но одержимые стремлением к Познанию,
Мы вновь идем во мглу, в туман, в дожди
И открываем новые миры,
И боль из нас не вырвется стенаньем.

И не проторенной идем тропой
Сквозь жар пустынь, через полярный снег...
За это, верно, нам дано Судьбой
Прекраснейшее званье – Человек.

Содержание

Вместо предисловия..... 4

СКАЗКИ ГОНЧАРНОГО КРУГА

Сказка о гончаре и его сыне.....6

Волшебная нить..... 9

Сказка о прекрасном юноше и полётах во сне
и наяву..... 13

Свеча и мотылёк.....16

Волшебное озеро или ещё одна сказка о любви.....18

Дороги судьбы, или старая сказка.....21

Сказка о простом и вечном.....24

Дороги, которые мы выбираем.....27

СТИХИ

НЕМНОГОЕ О МНОГОМ

Женщине. Признание в любви.....30

...И жизнь, как ожиданье встречи.....31

Помните — ахмединежадам..... 33

Мои друзья..... 34

...Может, наказание, может свыше дар..... 35

О себе — рифмоплет.....36

Просто жить..... 37

...Не бессмертны, но вечны..... 38

Стражи памяти..... 39

Продажен мир, как шляуха.....40

У нас осталась память.....41

...Но жить и помнить..... 42

Непогода..... 44

Огонь твоих губ.....45

Празднуем Любовь..... 46

Хочу понять.....	47
В ней вся вселенная... ..	48
Признание.....	49
Грусть осталась (осень).....	50
Срываюсь с шепота на крик.....	51
Ты ревнива, спасения нет... ..	52
Берегу это чувство... ..	53
Иерусалим (мысли вслух).....	54
Судный день (Йом Кипур).....	55
Стена.....	56
Всю боль... ..	58
Я видел ночи смерти... ..	59
Любовь вздохнула и ушла... ..	60
Виола, скрипка или арфа.....	61
Время разрываю на куски.....	62
На земле только ты и я... ..	63
Замирая, лечу к облакам... ..	64
Свеча горела на столе... ..	65
Любую боль твою... ..	66
Приснилось мне... ..	67
Когда бы мог... ..	68
Опять тоска.....	69
Я уходил... ..	70
Далекий предок мой зажег свечу.....	71
Последняя молитва.....	72
Трапеза террора, или повторения.....	73
Опять бегу... ..	74
Что Истина?.....	75
Сумел остановиться и взглянуть... ..	76
Однажды странный сон приснился мне.....	77
Рассказывал мне дед... ..	78
Слова, слова... ..	79
Не бросайся словами.....	80
Листья опавшие памяти.....	81
Чужая боль.....	82
И постигая тайну Бытия.....	83

Гаврилов Семен

Сказки гончарного круга

Сказки. Стихи.

Книгу подготовила Э. Ракитская

*Автор будет рад Вашим отзывам о книге:
vlad77@list.ru*

Свидетельство о государственной регистрации
№ 304770000035725 от 13. 02. 2004

Издатель А. Д. Богатых

Гарнитура «AcademyC»

Формат 60 x 84/16

6 уч. изд. л.

2006

Заказать книгу в Израиле можно у автора,
vlad77@list.ru

Контактные координаты издательства:

Тел. в Москве: +7(095) 431 02 97

моб. 8-926-227-99-25

Тел. в Тель-Авиве: +972 54 4953-961 (мобильный)

+972-77-4200-03-60 (городской телефон)

(для звонков внутри Израиля: 054-953-961,

077-420-03-60)

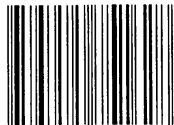
сайт: <http://era-izdat.com>

E-mail: в Москве: baemist@online.ru

в Израиле: evelin7@013.net

era-telaviv@list.ru

ISBN 5-98575-162-7

9 785985 1751628 >

